

Он умел касаться женщин

Автор:

Вячеслав Прах

Он умел касаться женщин

Вячеслав Прах

Храм мотыльков #3

Директор психиатрической лечебницы вступает в игру с серийным убийцей по кличке Сомелье, чтобы найти и спасти двух похищенных девушек. И чем дальше директор идет по следу убийцы, тем больше понимает, что остановить его будет невероятно трудно. Ведь он ничего не знает о прошлом Сомелье, а именно там кроются разгадки мрачных тайн. Тайн человека, который умел касаться женщин.

Новый психологический триллер Вячеслава Праха из цикла «Храм мотыльков» – это пронзительное сочетание лирики, детектива и интеллектуальной прозы. Это книга о демонах, которые живут внутри нас.

Вячеслав Прах

Он умел касаться женщин

© ООО «Издательство АСТ», 2019

Глава первая. Когда песня перестала играть...

...Когда песня мертвых птиц пахла жженой бумагой, а губы директора жадно втягивали дым безвкусной сигары, в это время за ним внимательно наблюдали из экрана. Его изучали, как подопытную крысу, принимающую активное участие в чужом эксперименте: мужчину, сгорбившегося в кресле, директора психиатрической лечебницы, который молча курил и смотрел в сторону своего зрителя.

Да, именно там, у окна, за ним следили глаза. Невидимые, янтарного цвета глаза, с небольшим оттенком изумруда.

Изумрудно-янтарные, медовые, всепоглощающие глаза, которым было приятно наблюдать за этой странной фигурой в кресле, любящей тишину больше, чем женщин, за актером, который теперь исполнит главную роль по сценарию того, кто за ним смотрит с экрана. Можно даже сказать, что директор – марионетка в руках кукловода.

Но марионетка, абсолютно уверенная в том, что никаких нитей нет и что кукловод в равной степени может обменяться ролями с куклой. Охотник всегда может стать добычей сам.

Пока директору о Сомелье известно мало, он – добыча.

После того как директор сжег письма, он первым делом достал из тумбочки чистый лист бумаги и ручку. Переписал по памяти те строки из Ремарка – вторую подсказку Сомелье, данную им в письме:

«Я перестрою магазин под кафе. Светлые обои в цветочках, три музыканта. Пианино. В глубине бар. Дом расположен в благополучном квартале. Гардины и люстры приобрету. Ну и, конечно, квартирная плата с жильцов верхних этажей».

Директор запомнил самое главное, как ему казалось, и сразу же записал на бумагу, чтобы не забыть.

Сомелье – серийный убийца, от имени которого стыла кровь у всех жителей Европы. Каждая новость о нем – это еще одна смерть молодой девушки.

Он не убивал их, а всего-навсего целовал. Так он считал.

Директор хотел вспомнить, кто же такой Сомелье – пациент, которого он когда-то лично обследовал. Но сколько ни старался, все было напрасно. За время работы через него прошло несколько тысяч пациентов, и удержать в памяти всех было практически невозможно.

Директор сидел в темноте и курил, уставившись в точку перед собой. Ему мнилось, что он смотрит в глаза убийцы. И как оказалось – не зря.

Молодой мужчина двадцати трех – двадцати четырех лет глядел на директора из маленького экрана толстого старого телевизора восьмидесятых – девяностых годов. Знаете, такие ретроагрегаты, показывающие всего несколько каналов.

Он внимательно смотрел сначала на маленькую красную точку в комнате – на яркий жар сигары, вспыхивающий в тот момент, когда директор делал затяжку. Затем – на серый густой дым, который на некоторое время скрывал лицо директора от посторонних глаз. Хоть цвет радужки невозможно было разглядеть из-за плохого освещения, но Сомелье всем телом чувствовал, что глаза директора смотрят прямо в глаза ему.

Молодого человека охватило некое волнение, мимолетный трепет, может быть, даже страх или просто азарт от предстоящей встречи. Гладкое, без морщин, белое лицо человека с медовыми глазами излучало воодушевление, намертво застывшую эмоцию. Ему доставляло удовольствие следить за тем, кто мог сыграть с ним на равных и, возможно, даже сыграть вничью.

Такой молодой амбициозный игрок, у которого в силу своих немногих лет не случилось ни одного поражения, и этот факт доставлял ему удовольствие.

«Поражение – это дело времени», – сказал бы ему кто угодно, особенно тот, кто жил на свете вдвое дольше. Но молодой человек ответил бы сразу: «Поражение – это свойство души».

Сомелье с детства считал, что Господь обделил его этим свойством. Но так не считала его мать, а потому мальчик со стержнем внутри постоянно получал по голове тяжелой сильной рукой. Сомелье никогда не заблуждался по поводу того, что мужчина в этом мире сильный, а женщина слабая.

Мать Сомелье была самой сильной женщиной на всем белом свете, и если бы даже Атлант снизошел на землю и решил бы помериться силами с его матерью, то он, несомненно, отдал бы небо в руки этой женщины.

Мать, которая растит своих сыновей без мужчины, – это и отец, и мать, и Господь Бог. И если бы Сомелье однажды спросили, любил ли он эту женщину, он бы сказал, что со временем научился ее понимать, и с тех пор ему перестало быть больно от любого ее удара.

Ведь больно не когда бьют, а когда не понимаешь причины этого или причина недостаточно веска. Мальчишка с голубыми глазами (которые со временем приняли цвет изумруда, а затем изумруд утонул в меду) с раннего детства проявлял к своим сверстницам особый интерес.

Ему не хотелось с ними играть, он не получал того детского необходимого удовольствия, играя в прятки в заброшенном здании на окраине района, – он испытывал наслаждение, если случайно касался волос или кожи маленького веснушчатого существа противоположного пола.

Сомелье очень рано обнаружил в себе Мужчину, и когда однажды перед сном он поделился со своим братом историей о том, какое блаженство он испытывает, касаясь кожи девушек, то Миа уставился на него во все глаза и сказал, что это проделки сатаны. И нужно обо всем рассказать матери.

Но мать лечила сатану кнутом, и когда Миа втихаря сдал с потрохами свою девятилетнюю копию – с таким же цветом глаз, как и у него, но с другими душевными свойствами, – то женщина, будучи и матерью, и отцом, и преподобным пастырем, выбила из мальчишки всю его любовь к женскому полу.

В десять лет Сомелье даже боялся поднять глаза в сторону любой девушки в присутствии своей матери.

А вот брату он этого не простил. Он пронес это предательство через всю свою жизнь, но так и не смог его извинить. Он смеялся вместе с ним, он обсуждал с ним самые разные вещи и осторожно делился своими секретами, он покрывал его, когда тот только начинал курить, он любил его, как единственного мужчину в своей жизни, но за тот поступок он его не простил.

И даже смерть не оправдала предательство Миа. Можно, конечно же, любить предавших однажды людей. Любить можно, но извинить – никогда.

Сомелье не умел прощать. Он умел играть на скрипке, он умел ударить так, чтобы человек начал задыхаться и упал перед ним на пол, он умел касаться женщин, тайно, чтобы не знала об этом мать, он умел и курить, и пить алкоголь, но не пил и не курил, так как это не доставляло ему удовольствия, он умел выигрывать на турнирах по шахматах, на соревнованиях по рукопашному бою, но он не умел прощать.

Простить – значило извинить человеку его слабость. По мнению Сомелье, каждый человек, рожденный на этой земле, обязан быть сильным, а по факту всю свою минувшую юность ему хотелось стать сильнее своей матери, но даже навыки, приобретенные в рукопашном бою, оказались бессильны перед женщиной, удержавшей небо.

Возможно, небу и не нужно было, чтобы его держали, но сорокалетняя Ребекка, мать двоих сыновей-близнецов, истинно считала своим долгом быть сильной и все держать в своих руках. Юношеский мир Сомелье – это одноэтажный двухкомнатный дом, недалеко от местной речки и бесконечных зеленых лугов.

Небольшой домик на окраине города М, куда не добиралась городская суета и постоянный шум автомобилей. Там не было воя сирен, сигнализации машин, ругани продавцов и случайных прохожих. Это было место тишины и бесконечного уединения от всего внешнего мира.

Только луга, только речка, только дом на самом отшибе земли. Только брат, как две капли воды похожий на юного серийного убийцу, который когда-то давно был обыкновенным подростком – рыбаком, скрипачом и бойцом-шахматистом. Только мать! И никого больше.

* * *

Директор сидел в полутьме в своем кресле и больше не предавался мыслям. Он читал. Вчитываясь в каждое слово, в каждую букву тех строк из Ремарка, которые он переписал на лист по памяти.

«...магазин под кафе... Дом находится в благополучном квартале».

Благополучным в этом Богом забытом городе можно было считать только один квартал – Синьон. И директор склонялся к тому, что Сомелье следует искать там.

Небольшой чистый район недалеко возле центра города. Все квартиры в новых современных постройках скуплены местной «элитой». На улицах этого квартала никогда не встретишь бездомную собаку, попрошайку или бомжей. Вся территория района под охраной.

Случайным прохожим там было делать нечего.

Перед тем как отправиться исследовать квартал Синьон, директор решил позвонить офицеру Рено и попросить еще об одной встрече с доктором Стенли.

– Алло.

– Офицер Рено?

– Да. Что вам угодно, директор? Если вы по поводу мисс Лоры, то никаких новостей пока нет. Она словно в воздухе испарилась. Мы с группой проверили всех ее родственников и друзей, опросили всех соседей. Она не появлялась в этом городе с момента приезда в вашу клинику. Понимаете, к чему я клоню?

– Не совсем, – честно признался директор.

Конечно же, он осознавал, что они ее не найдут живой, разве только труп. Сомелье просто так ее не отпустит.

– Это больше становится похоже на похищение, тем более ее отец как-то уж очень по-настоящему переживает за свою дочь. Он мне житья не дает, звонит каждые полчаса. Вряд ли человек, который надежно спрятал свою дочь и знает, что с ней все в порядке, будет разыгрывать такой спектакль перед нами. Как вы считаете, директор?

– Я думаю, все возможно, офицер. Ничего однозначного по этому поводу сказать не могу.

– Вы сами нас натолкнули на мысль, что мисс Лора – убийца, а ее внезапное исчезновение – это всего-навсего хорошо спланированный побег, а теперь вы в этом не уверены, директор?

Офицер Рено как собака-ищейка обнюхивал сущность директора.

– Я мог ошибиться, офицер.

– Нам ваша ошибка может дорого обойтись. И вообще, с вами все в порядке? У вас какой-то подавленный голос.

– Не беспокойтесь, все как обычно, – соврал директор, так как «обычно» серийные убийцы не пишут директору откровенные письма на несколько страниц.

– Ладно. Что-то еще?

– Я хотел попросить вас дать мне еще одну встречу с доктором Стенли. С бывшим доктором Стенли, – поправил себя директор.

– А это зачем?

Офицер Рено был, как всегда, подозрителен и придирчив. Все ему требовалось знать.

– Я бы хотел еще раз взглянуть ему в глаза.

– Что? – удивился офицер. – Взглянуть в глаза? А разве вам было мало его глаз на протяжении всех лет, проведенных...

– Вы меня не поняли, офицер.

– Тогда объясните.

– Стенли – не убийца, офицер Рено. Это я могу вам сообщить предельно точно, проведя с этим человеком, можно сказать, взаперти много лет. Но он покрывает настоящего убийцу. Того человека, который убил Эриха Бэля и похитил мисс Лору из ее палаты. Чтобы покрывать преступника, а тем более оказывать ему содействие, – должна быть мотивация. И зная бывшего коллегу, который всю жизнь тщательно скрывает злость на других людей, носит ее в себе, перегнивая вместе со своей ненавистью к людям... этот старик просто так не стал бы своим почерком писать предсмертное письмо, оставлять следы на месте преступления и делать крайне не логичные для его типа темперамента вещи. Вот я и хочу разобраться, в чем дело, а для этого мне понадобится заглянуть Стенли в глаза.

– Ну, надо так надо, – наконец сдался офицер Рено, которому не так уж и нужна была эта минутная исповедь, а всего лишь – чтобы перед ним отчитались и раскрыли свои замыслы.

Интуиции у офицера Рено отродясь не имелось. И жил он всю жизнь так: что вижу, то и есть. Что слышу, то делю надвое. И никто из начальства его ни разу за это не упрекнул, так как мужчина всегда отличался преданностью своей работе и порядочностью.

Хоть и был всегда излишне дотошным.

– Завтра на пятнадцать ноль-ноль могу вам организовать встречу.

– Отлично, офицер. Благодарю вас, – посветлел директор, который всячески хотел пустить офицера на нужный след. Но тот, казалось, его даже не услышал. Ему не интересно, какая у старика может быть мотивация, чтобы повиноваться преступнику, как Господу Богу.

А мотивация могла быть только одна и, как всегда, она висела перед носом, но офицер Рено не хотел видеть. Он хотел еще сильнее начать давить на бедного старика, чтобы тот раскололся и взял всю вину на себя. Так ведь проще. А стоило всего лишь взглянуть на его семью, и офицер Рено наконец бы обнаружил ту недостающую деталь и, возможно, даже сделал бы верное заключение.

Директор не мог прямым текстом сказать: «Офицер, черт бы вас побрал. Мисс Лору похитил Сомелье, и доктора Стенли он завербовал тем, что забрал его молодую дочь».

Но если бы даже директор рискнул и сказал все именно так, то смерти мисс Лоры и мисс Стенли не миновать, а чтобы установить личность Сомелье, понадобится время.

И за это время из города М бесследно исчезнет один человек.

– Но я все не могу взять в толк, директор... – после небольшой паузы сказал офицер. – Зачем смотреть в глаза?

– Только бесстыдного человека, с хорошим актерским талантом и конченной самонадеянностью могут не выдать его глаза, всех остальных могут. Стенли относится к остальным, а потому я хочу задать ему несколько вопросов и проследить за его глазами.

– Так ведь у старика они бегают постоянно. Это бесполезно, директор, – с насмешкой сказал офицер. – Это уж, а не человек.

– Я знаю, но все равно попробую, офицер. Вас он знает меньше недели и видит только в погонах, меня он знает около пяти лет и видит как гнусное жалкое существо, занимающее не свою должность. Может быть, со мной он станет говорить как человек.

– Ну-ну. Как скажете. Приходите завтра, будет вам встреча и, кстати, директор, после зайдите ко мне в отдел есть один разговор. Не телефонный.

Сердце директора застучало немного быстрее прежнего, но он сразу же отогнал мысли о том, что офицер что-то мог заподозрить или даже узнать.

Он его вызвал совсем по другому поводу, который не имеет к Сомелье никакого отношения.

– Хорошо, – спокойно сказал директор и положил трубку.

Мужчина сдул со стола оставшийся от письма пепел и принялся за сигару.

Он снова смотрел в сторону убийцы, в сторону тех медово-изумрудных глаз, которых не видел.

Глаза серийного убийцы Сомелье, который навел страх на этот маленький, никому не нужный городок – это объектив маленькой черной камеры размером с обычную муху. Из-за того, что и шторы были того же черного цвета, что и камера, со своего места директор не мог увидеть глаз Сомелье.

И лишь докурив сигару, мужчина встал с кресла и подошел к окну, но не затем, чтобы найти эту камеру и выбросить ее на улицу, а для того, чтобы открыть створку и пустить в душную комнату немного воздуха.

Пусть Сомелье его видит, пусть он думает, что контролирует все.

Пусть думает, юноша, имеющий странную «любовь» к женщинам и в своей жизни не привыкший проигрывать, что сможет победить человека, который распорет брюхо льва и залезет в его шкуру, лишь бы это бедное животное вылечить.

Глава вторая. Деревянные крылья

Когда Сомелье исполнилось тринадцать лет (а точнее – Люку, сыну сорокатрехлетней Ребекки), то свои запертые чувства юноша решил направить не на женские фигуры, их ноги, бедра и грудь, а на создание птичьих крыльев.

Но только рукотворных.

Люк начал изучать физику, закрывшись от брата, от матери, от соседских мальчишек-сверстников, от школьных товарищей и учителей.

Он убегал после школы за луга к речке и изучал силу падения, массу и скорость. Люк был абсолютно уверен в том, что станет первым человеком на земле, который соорудит человеческие крылья и оставит незаменимый след в эволюции.

Юноша верил всем своим сердцем в то, что, летая с птицами в небе, можно найти с пернатыми общий язык и даже со временем изучить его полностью. В тринадцать лет, кроме близости с женщиной, для Люка не было больше ничего невозможного.

И чем старательней он пытался не думать о «прекрасном», тем сильнее начинал думать о рукотворных крыльях и мощи полета человеческого тела в воздухе.

Как-то раз Миа заметил, что Люк чем-то очень воодушевлен, что его нечто сильно беспокоит и гложет внутри. Он пытался выяснить, почему глаза брата горят, почему он вдруг начинает смеяться ни с того ни с сего, не объясняя причину этого смеха.

Почему он, когда делает работу по дому, например чистит картошку или рубит дрова, вдруг останавливается словно что-то вспоминает или выходит из какого-то транса, а затем как ни в чем не бывало продолжает заниматься делами.

Миа нужно было выяснить, не залез ли дьявол в его кожу снова.

– Почему ты перестал чистить, Люк? О чем ты только что вспомнил?

Миа уставился на своего брата-близнеца, которого отличить от него могла только мать, да и то не всегда: когда бывало выключали на улице фонари, под освещением горящей свечи своих детей Ребекка могла узнать только по голосу.

У Миа была родинка на правой лопатке, у Люка родимых пятен отродясь не имелось. Но Люк, по ее мнению, всегда был другим.

Как она когда-то выразилась: «Подвержен силам сатаны». Ребекка была убеждена, что виной тому женское начало, прорастающее в ее сыне.

– Разве я не могу о чем-то вспомнить, Миа? – перевел на брата свой мечтательный взгляд Люк.

– Можешь, но ты больно часто начал вспоминать о чем-то. Мне это не нравится.

– Это не нравится тебе или матери?

- Мне, - твердо заявил Миа. - Мать ни при чем.

- Понятно. Ты хочешь узнать, о чем я все время думаю?

- Да.

- А я тебе этого не скажу, Миа. Даже не проси, - улыбнулся Люк и продолжил чистить картошку для супа.

- Ты думаешь о женщинах? Снова представляешь себе, как занимаешься с ними... тем, чего нельзя произносить вслух! - Миа аж вскрикнул от запала, с которым произносил эту речь.

- Только пискни, я тебя здесь прирежу и твой язык сварю в супе вместо курицы. Твое трусливое вонючее тело я топором разрублю на части и утоплю в туалете, мать лишь по весне тебя найдет, когда будет прикапывать дерьмом огород.

Люк держал лезвие ножа у шеи своего брата. Глаза Миа налились слезами, он тихо хлюпнул носом, но не проронил ни слова.

Тринадцатилетний мальчик, который только что обмочил штаны, не хотел умирать так рано, а уж тем более мучить себя вопросом - о чем думает его брат.

Миа родился слабым духом, но с сильным желанием жить. У Люка получилось все наоборот. Он бы никогда не приставил этот нож к горлу своей матери, но не потому, что так неистово ее любил и относился к ней как к иконе, а потому что мать еще сильнее надавила бы своим горлом на лезвие.

В этой семье мужчины плакали, а женщина - никогда.

- Никто мне не запретит думать, Миа. Никто! Ты меня понял? Пусть мне не разрешат делать, пусть отрубят мои пальцы, пусть выколют глаза, чтобы я не смотрел на то, на что мне нельзя смотреть. Но мечтать мне никто не запретит! И если ты еще раз спросишь у меня, о чем я думаю, или выдвинешь на этот счет свои версии, то я тебя утоплю, когда мы пойдем на речку, и скажу, что ты утонул. Ты меня понял? Брат... - с какой-то неприязнью выговорил последнее слово Люк, в чьих руках находился нож и жизнь Миа.

– Я тебя понял, – сквозь слезы пробормотал тот. – Отпусти меня, пожалуйста, я никому ничего не скажу.

– Нет. Ты уже один раз зарекомендовал себя должным образом. Я тебе сейчас отрежу язык, чтобы ты больше не мог говорить обо мне, затем отпущу. А матери ты скажешь, что прокусил его сам, потому что хотел умереть.

– Ты больной, Люк! Я этого не скажу. Я тебя сам убью.

– Не убьешь, кишка тонка. Ты будешь всю жизнь плакать и терпеть, но никогда не воткнешь нож в мою спину. Ты бесхарактерный, Миа, и противный, как тряпка, которой только что помыли полы, а теперь противно брать ее в руки. Ты ничего мне не сделаешь за отрезанный язык, даже проглотив литр собственной крови. Думаешь, я не вижу, как тебя унижает Роберт из параллельного класса? Думаешь, я никогда не замечал того, как он тебя молотил ногами за школой на глазах у других парней и девушек? Я, по-твоему, слепой?

– Почему ты никогда не встал за меня, если все видел?

– А что с того? Встану я раз, встану я два. А на третий раз меня не окажется рядом – может, убегу из дома. Что ты будешь делать без меня? В Роберте скопится еще больше злости, и он тебя покалечит. Ты здоровый трус, который боится остаться калекой. Если я за тебя встану, это тебе не придаст уважения к себе!

– А может, и придаст. Откуда тебе знать? Может, я научусь драться, как ты, и смогу за себя постоять сам.

– Даже если ты научишься драться, Миа, это не сделает тебя сильнее. Колючий прут брать больнее, чем обыкновенный, без шипов. Но вместо того, чтобы его брать, – его начнут ломать в том месте, где шипов нет. Ты гибкий прут, Миа, и даже если ты получишь черный пояс по карате, это не спасет тебя от трусости. Кусок палки никогда не превратится в железо, ему не поможет ни карате, ни нож. Палка может со временем отрастить на себе шипы, но никогда она не сможет стать тем, чем не является.

– А чем ты лучше палки, Люк? – Миа даже под лезвием ножа начал становиться смелее, когда стали затрагивать его чувства.

– Я изначально родился проволокой. Такой тонкой, что любой деревянный прут окажется тверже и лучше. Но из железной тонюсенькой проволоки толстое железо сковать реальнее, чем из деревянной палки. Я никогда не расскажу матери, что ты делаешь каждую ночь под одеялом около пяти часов утра, но если однажды то же самое сделаю я, ты сдашь меня первым же делом. Я часто задавался вопросом – почему?

– И?.. – с дерзостью в голосе спросил Миа. Он больше не боялся нагретого лезвия ножа, он боялся ответа. Больше всего на свете в эту секунду Миа боялся услышать о себе правду.

– Ты хочешь заслужить любовь. – Люк сначала ослабил хватку, а затем и вовсе убрал нож от шеи брата и продолжил как ни в чем не бывало чистить картофель. – К моему сожалению, не мою.

– В каком смысле?

– В самом прямом, Миа. Ты слабый, а хромой пес всегда ищет защиты у хозяина, а не у другого пса. Который целее. Мы с тобой псы, и пусть у нас течет одинаковая кровь, но мы псы разной породы. Я никогда не стану выпрашивать любовь у матери. Но не потому, что я сильнее, что я из железа, а потому, что мать не умеет нас с тобой любить.

– Она умеет, Люк. Ты ошибаешься.

– Да, я видел несколько раз, как она гладила тебя по головке и целовала в ушко, но этого всего мне не нужно. Может быть, нужно тебе, а?

Миа покраснел, но ничего не сказал. Ведь в те редкие минуты, когда мать его гладила и целовала, ему казалось, что их не видит никто и это самая большая в его жизни тайна.

Миа всем юным сердцем верил, что мать любит его больше, чем брата.

Когда Люк дочистил картофель, то подошел к кувшину с водой и помыл руки.

– Мне нужно, чтобы она меня понимала, а не гладила и целовала, ясно? Она не умеет меня любить так, как нужно мне. Она прекрасно умеет, как нужно тебе, когда меня рядом нет. Но я ее за это не виню, ты не любимее, ты – слабее. И если эта женщина, которая нас кормит и стирает твои грязные трусы, так как свои я стираю уже давно сам, хоть раз меня обнимет и спросит, что у меня на душе, спросит по-настоящему, как друг, а не как церковь, то я ей все расскажу. Я ей во всем признаюсь, и, возможно, после этого я не буду ходить в школу с опущенной головой. Возможно, после этого я наконец перестану стыдиться своего взгляда на девушек, на женщин. Я перестану стыдиться себя. Тебе ясно, Миа?

Его брат понимающе качнул головой, но ничего не сказал.

– Но если ты разболтаешь обо всем, что я тебе только что сказал, матери, то готовься остаться без языка. А если еще пожалуешься, что я грозился тебя убить, – я тебя сегодня же ночью убью, утоплю в туалете, а затем уйду из дома навсегда. Клянусь тебе, Миа, что сделаю так, как я только что тебе сказал. И если ты хочешь проверить, насколько ценна моя клятва, то беги к матери сейчас же.

Миа не сделал и шагу.

– Не убивай меня, Люк. Я ей ничего не скажу, клянусь тебе. Я хочу, чтобы ты научил меня драться. Обещаю тебе, что стану железом, даже если изначально родился палкой.

– Не обещай такого. Это исключено, но попробовать выучить несколько движений тебе не повредит. Я видел, что твоя слабая сторона – это нос; Роберт постоянно бьет тебя в нос, чтобы у тебя началось кровотечение и ты перестал ставить защиту руками. Над этим стоит работать. Твоя слабая сторона – нос, а сильная – положение лежа. Ты можешь часами пролежать на земле, пока тебя колотят ногами, даже не соизволив встать и продолжить драться с разбитым носом. – Люк улыбнулся. – Ты, наверное, боишься крови, да?

– Ага. Когда я вижу кровь, у меня отключается голова, я перестаю соображать и теряю контроль.

Люк подошел к Миа и изо всей силы ударил его в нос. Брат упал на пол и начал закрывать правой рукой хлеставшую кровь.

Люк проникся уважением к брату за то, что тот не издал ни звука.

- Лежи и смотри на свою кровь.

- Да пошел ты.

- Смотри на кровь, Миа. Она красного цвета, похожа на крашеную воду, попробуй ее на вкус.

- Закройся...

- Соленая такая, это всего лишь соленая вода красного цвета. Не бойся крови, бойся удара в спину. Я тебе сломаю нос, может быть, кровь перестанет каждый раз хлестать рекой.

- Себе сломай.

- Вставай.

- Нет.

- Вставай, Миа. Не заставляй меня протягивать тебе руку.

- Пошел ты. Не встану.

- Если ты сейчас не встанешь, то я лягу возле тебя и лежа сломаю тебе нос. Ты этого хочешь?

- Собака... - процедил сквозь зубы Миа со слишком неистовой для него злостью. Люк аж удивился такой силе эмоций своего брата.

- Да, мы псы. Вставай же, дворняга-трус!

– Сам ты дворняга!

Миа быстро поднялся на ноги и накинулся изо всех своих сил на брата, но повалить его на пол не сумел. Однако Люк не стал одним ударом отправлять своего хилого, но разъяренного брата в нокаут, напротив – он решил не прикладывать никаких усилий. И то, как Миа набросился на Люка и в прямом смысле закружил его, было больше похоже на танец.

– Никогда не думал заняться вальсом? – добродушно улыбнулся львиным глазам Люк. Он не делал абсолютно ничего, всего лишь удерживал равновесие, чтобы им двоим не упасть.

– Я тебя убью...

– Так возьми и убей, нож на столе.

В тот же миг Люк резко опустил руки вниз, и Миа, потеряв равновесие, упал на пол. Люк тем временем отошел от брата поближе к двери.

– Нож на столе. Бери его в руки и убей меня. Может быть, тогда ты станешь хоть проволокой, а не будешь стеблем кустовой розы, которой еще пока не обрезали шипы. Ну же, бери нож, трухало, и убей своего обидчика!

Миа встал с колен и немедленно направился к миске с почищенным картофелем. Мать попросила Люка приготовить пюре, а сама ушла на озеро за рыбой.

– О, другое дело. Подходи, я не стану сопротивляться тебе, живой труп с радостью поплывет по течению реки.

– Ты – труп. – В глазах Миа было столько злости, столько презрения, столько самонадеянности. Словно в его руках сейчас находилась жизнь человека, который отнял у него все.

В эту секунду Миа представил себя и палачом, и судьей, и Господом Богом, но не убийцей. Не человеком с ножом.

– Давай подотри кровь с соплями и действуй.

– Только попробуй, – донесся пронзительный женский голос, в котором было столько льда, что сердце Люка застыло, а тело перестало шевелиться.

– Брось нож на пол и подойди ко мне. Быстро.

Миа не задумался ни на секунду, а сразу же выронил нож и быстро прошел мимо Люка к человеку, который стоял у двери.

Мать – не человек, мать – это мать. Но с недавних пор для Люка она стала человеком, а не Атлантом.

Темноволосая женщина, ростом не намного ниже своих сыновей, изо всех сил ударила Миа по лицу. Запеченную кровь на лице юноши смыло потоком свежей.

– Иди в спальню и становись в угол. Быстро. – Ее голос не дрогнул. Женщина не проявила ни одной эмоции, когда сказала Миа, что ему делать. Ее холодный и ровный тон был всегда беспрекословным.

А слова – истиной. Не подвергаемой сомнениям истиной. Такой истиной, как в Священном Писании.

Когда Миа убежал в комнату, женщина зашла на кухню и обратилась к спине Люка.

– Повернись.

Мальчик повернулся, но смотрел не на нее, а на пол. Даже сильный Люк, имевший коричневый пояс по карате и не боявшийся в этом мире практически ничего, не мог вынести сурового взгляда матери.

– В глаза смотри.

Люк посмотрел в черные ангельские глаза, которых страшился больше смерти. Губы юноши задрожали, но он тут же взял себя в руки и прикусил губу.

- Ты боец, да? Можешь ударить брата, разбить ему нос? Так ударь меня, чем я не такая, как он?

- Чем ты не такая, как я? - процедил сквозь зубы Люк, еле сдержав слезы.

Мальчик напряг изо всех сил кулаки, но не для того, чтобы напасть на свою мать, а рефлекторно, даже не заметив этого. Он так делал всегда, когда перед ним стоял соперник сильнее него.

- Ударил меня, - сказала женщина настолько холодным и ровным голосом, что Люк чуть не подавился от ее слов. А затем добавила: - Быстро.

- Нет, - выдавил из себя Люк и сразу закрыл глаза, ожидая удара в лицо. Но удара не последовало, и он поднял веки.

- Если сейчас ты не разобьешь мне нос, как разбил своему брату, то два с половиной года будешь стоять на соли каждый день. Три часа после школы и один перед сном. Ты меня услышал?

- Да. - Люк снова закрыл глаза и ослабил кулаки.

- Даю тебе десять секунд, чтобы это сделать. Время пошло.

Люк даже не сдвинулся с места, застыв после ее слов, как статуя. Он мог ей разбить нос, он мог взять с комода новый нож и всадить ей в горло, но он не мог ей сейчас признаться в том, что знает о ее тайной любви к своему брату.

Разбить матери нос - это значило смириться с тем, что он не такой, как они. Что не достоин ни понимания, ни любви, ни родства с этими близкими, но совершенно чужими людьми. Он не разбил ей нос, потому что в глубине души вымаливал у нее прощение за ее нелюбовь, за ее холод, за ее равнодушие.

Когда десять секунд прошли, женщина сдвинулась с места, прошла мимо Люка и достала из верхнего шкафчика пакет соли.

- Подойди и возьми. Сегодня перед сном начнешь.

Люк даже не пошевелился, продолжая стоять на месте и смотреть глубоко в себя или на воздух перед собой.

- Ты глухой?

- Я не глухой, - сказал Люк и подошел к матери за солью. - Я не глухой, мама, - повторил он, но теперь подавленным голосом, взял из ее рук соль и ушел в спальню.

* * *

Люк учился в одном классе вместе со своим братом, в отличие от Миа он никогда не был хорошистом и никогда не стремился сидеть за партой в первых рядах.

Ему было важно, чтобы его не выгнали из школы, лишь бы не расстроить этим мать. Люк сидел на уроках и думал о деревянных крыльях и о том, что этим прорывом в науке он позволит матери взглянуть на него совсем другими глазами. Взглянуть так, как она никогда на Люка не смотрела.

Возможно, в ее голосе даже проскользнет эмоция. А в глазах - луч света.

Люк считал себя самым отвратительным сыном на свете, но не самым плохим человеком. Он умел отличить человека в обществе от сына в семье. И, пожалуй, это и стало его спасением. Его чистым глотком воздуха и возможностью жить после смерти бессмертного и живого человека.

Зеленоглазый юноша, который в отличие от своего брата имел мечту, проектировал день за днем свои рукотворные крылья... К своему четырнадцатилетию он уже был намерен взлететь над землей.

Сначала он соорудил крылья из двух досок примерно одинаковой длины и ширины для каждой руки. Прибил на них железные петли-держатели для кисти руки и изгиба локтя.

С такими крыльями из обыкновенных досок Люк далеко не смог улететь, испытал свое птичье сооружение на обрыве над речкой.

На этот раз юноша отделался лишь синяком на правой ноге и немного ослабевшей верой в свою затею.

После возвращения домой Люк поужинал с семьей, затем, как обычно, отстоял свой срок на коленях у стены, закрыв глаза и думая о том, на каких крыльях удастся пролететь хоть несколько метров, продержаться в воздухе хотя бы две секунды. Две секунды – это много, этого достаточно вполне для первого раза.

Миа каждый раз, когда приходило время Люку становиться на соль, уходил из спальни. Брат считал, что именно он – причина ежедневной боли и унижения Люка, что в этом только его вина.

Миа было настолько неприятно смотреть на немое мучение своего брата, что он стыдился даже произносить вслух его имя или обращаться к нему за любой помощью.

Эта соль, впитанная в запеченную кровь коленей, отделила их друг от друга. Миа испытывал чувство стыда, вины и бессилия, Люк думал о рукотворных крыльях и был рад тому, что от этих раздумий его отвлекала только боль. И то она отвлекала лишь первые две недели, а затем прекратила и стала приятна, как нежное поглаживание. Как колкая ласка.

Но в этом всем было и хорошее – Миа наконец перестал бояться своей крови, и после того, как Роберт в очередной раз разбил ему нос, юноша, озлобившийся на мать, которая мучила его бедного брата, выплеснул всю свою боль и протест против жестокого мира в лицо попавшегося под руку Роберта.

После этого удара Миа перестали трогать в школе, и со временем Роберт даже стал его лучшим другом, пока их не разлучил выпуск из школы и разное течение судьбы.

Но это было потом, а сейчас Люк стоял на соли и думал о своей ошибке. Его тело слишком тяжелое для досок, нужно что-то другое, то, что могло бы распределить правильно вес его тела.

Когда «час на соли» прошел, Люк как ни в чем не бывало встал из угла, их священного места раскаяния и расплаты за свои грехи, стряхнул ладонью остатки соли, въевшиеся в рану, и ушел на улицу принимать вечерние водные

процедуры.

Так как воды в их доме не было, они мылись и подмывались исключительно водой из колодца. В зимние и холодные дни – нагретой водой, в летние – холодной.

Мать вырастила их закаленными и не подверженными гриппам, простудам и насморкам, от которых постоянно лечились другие дети.

Слова Ребекки: «Медикаменты сейчас дороги, и болеть – это такая же роскошь, как носить золото. Дешевле не болеть». И ее дети были лишены такой роскоши, как болезнь.

* * *

На другом конце времени. Там, где двадцатитрехлетнего Люка называли Сомелье...

– Здравствуйте, Стенли, – поприветствовал директор сгорбленного старика, лицо которого не выражало совсем никаких эмоций. Ни протеста, ни борьбы, ни желания выбраться из этого гнилого места, называемого тюрьмой.

Старик был абсолютно сломленным и как никогда бесцветным. Он дал им высосать из себя все силы и перестал плыть против течения. Еще немного, и его дожмут. Еще совсем малость, и он возьмет на себя вину за убийство, которого не совершал.

Бывший главврач психиатрической больницы ничего не ответил только что вошедшему к нему человеку «с воли». Из того мира, где пахнет поздним летом и приближением осени. Где пахнет яблонями и поздними побитыми об асфальт яблоками, где пахнет бескрайним чистым небом, которое до этого момента для доктора Стенли никогда не пахло.

Где пахнет людьми, спешащими к себе домой, к своей семье, детям, котам или собакам. К тем, кто их дома ждет. От этих прохожих пахнет счастьем, которого у них никогда не отбирали. От них пахнет отсутствием горя, которого они не съели пуд.

И для всех остальных прохожих эти люди, идущие с работы, совершенно не пахнут, может, только табаком или парфюмом. Но если бы старика сейчас выпустили на волю, то они бы несомненно пахли для него, издавая цветочный нектарный аромат, которого Стенли был теперь лишен.

Даже на воле он бы стал себя чувствовать как в тюрьме, вдыхая запахи тех людей, которых дома верно ждут. Ждут те, кто дома...

Его дочь похитил убийца по прозвищу Сомелье. Старик сначала носил в своем старом закаменелом сердце надежду на ее спасение, а затем перестал себя мучить и сдался.

- Доктор Стенли, я пришел, чтобы помочь и себе, и вам.

Старик молча сидел у каменной стены, он слышал голос своего собеседника, но абсолютно никак на него не реагировал.

Директор понял, что разговаривать старика в теперешней ситуации не так уж и просто, и вытащил из рукава туз. Мужчина всей душой надеялся, что глаз и ушей Сомелье в этой комнате нет, а иначе предупреждения может и не последовать.

Лишь последствия.

- Я все знаю, Стенли. О вас и о гвоздике, которую выкопал из земли сосед и унес из вашего сада.

После этих слов старик без промедления поднялся на ноги и повернулся лицом в сторону директора, но подходить к нему не стал.

- Есть ли смысл... - губы пожилого мужчины дрожали, но глаза были сухими, как песчаный берег, умытый солнцем. - Есть ли смысл думать, что гвоздика... Ммм...

- Да, - уверенно заявил директор, не дав собеседнику продолжить. - Если бы было по-другому, я бы с вами не говорил о цветах.

– Хорошо, очень хорошо, что вы все поняли. Вы умный, директор, хотя я всю свою жизнь считал вас тупым.

– Уверяю вас, Стенли, я ничего бы не понял, если бы мне все доходчиво не объяснил тот, кто выдумал пазл, а потому вам никто не запрещает и дальше считать меня тупым. Но я здесь не затем, чтобы выяснять ваши чувства ко мне. У меня мало времени. Мне нужен ваш шарф, водительские права вашей бывшей жены и школьный альбом вашей дочери. Пока все.

Директор попросил шарф и права – эти две абсолютно бесполезные вещи – только для того, чтобы сбить с нужного следа полицию, если сейчас идет прослушка их разговора.

Директор не хотел шутить с Сомелье, а потому решил подстраховаться.

– Подойдите ближе, директор, – тихим голосом сказал старик, стоявший у бетонной голой стены в конце комнаты.

Тюремная камера была маленькая – не больше пяти метров. Директор сделал четыре шага навстречу своему собеседнику и застыл на месте. Некогда уважаемый доктор психиатрической клиники с сорокалетним стажем работы, в свою очередь, шагнул к директору и прошептал ему на ухо:

– Улица Франческо Петрарки, дом тридцать шесть. Квартира двенадцать. Ключ в закрытом на замок почтовом ящике, его легко сломать. Берите все, что понадобится... Идите, директор. Храни вас Бог.

Такие громкие слова директор никогда бы не услышал от своего заместителя, не окажись тот в подобном положении – загнанным в угол.

Но директор не усомнился в искренности этих неуместных и чуждых для него слов.

– Прощайте, Стенли.

Мужчина в темном плаще, из-под которого выглядывал воротник белого халата, покинул тюремную камеру и направился в кабинет офицера Рено для

«нетелефонного разговора».

- Доброе утро, офицер, - обратился директор к знакомому широкоплечему мужчине с сержантскими погонами, который сидел за своим укромным уголком сразу при входе в отдел. Помимо него в этой большой шумной комнате находилось еще одиннадцать офицеров.

Директор подсчитал количество присутствующих машинально, даже не задумавшись.

- Доброе утро, директор. Кофе будете?

- Нет, я не пью кофе.

- Чего так? - с дружеской насмешкой спросил офицер Рено.

- Не нравится напиток, о его вредности для здоровья речи не идет.

- А что тогда пьете? - спросил офицер Рено просто, чтобы спросить. Ему было плевать, что пьет директор, а чего не пьет.

- Черный чай с одной ложкой сахара.

- Ну, пусть будет так. Чая у меня, пожалуй, нет. Я вас вызвал вот по какому поводу... В общем, выяснились некие обстоятельства, и я бы хотел ими с вами поделиться.

Офицер сделал многообещающую паузу.

- Слушаю вас, офицер.

Рено буквально прощупывал сущность своего собеседника взглядом. Он, как всегда, был крайне подозрителен, недоверчив и стремился узнать все.

- А вам нечего мне сказать, директор?

Мужчина в плаще выдержал этот холодный испытывающий взгляд.

– Нет.

Офицер Рено еще несколько секунд пытался рассмотреть в глазах директора что-то свое, то, что могло бы ему дать нужный ответ на один из интересующих его вопросов.

Директор являлся для офицера тьмой, бездной, мраком. Плотным туманом черного цвета. Невозможно было увидеть ничего, как бы сильно офицер ни пытался заглянуть в него...

– Хорошо, – наконец сдался человек, подобный упертой ищейке, которая носом чувствует запах, но не может найти след.

– Выяснилось вот что: ваш пациент, Эрих Бэль, которого выбросили из окна собственной палаты...

Офицер снова сделал паузу, испытывая своего странного собеседника.

Директор на этой паузе сделал глубокий вдох, а совершить выдох оказалось не так просто, как он думал.

Мужчина медленно и тихо выдохнул носом, затем продолжил дышать ровно, как всегда.

Кажется, офицер ничего не заметил. Детектор лжи из офицера Рено был не очень. Как бы офицер ни пытался разглядеть истину, он видел абсолютно все, кроме самой истины.

– Что Эрих Бэль, офицер? Я вас внимательно слушаю.

– Это не Эрих Бэль, – сказал полицейский то, что директор ожидал услышать и был к этому готов.

К сожалению, актерский талант директора оставлял желать лучшего. Намного легче было играть дьявола, прибывшего за грешной душой семидесятилетней

старухи, чем сыграть обыкновенное удивление от услышанного.

– А? Как не Эрих Бэль? А кто тогда?

– Этого мы не знаем, – медленно сказал офицер, не отводя пристального взгляда от директора. Что-то ему явно в нем не нравилось, он отчетливо что-то чувствовал, но не мог понять, что именно. – Но с девяностодевятипроцентной долей вероятности могу предположить, что это его брат-близнец. Один процент оставляю уникальнейшему случаю, что на белом свете был человек, который как две капли воды похож на убитого. Мать родная бы не различила эти две копии.

– Оригинала...

– Что? – переспросил офицер, попивая из своего бумажного стаканчика гадкий остывший эспрессо с земельным привкусом.

– Два оригинала, не копии, даже если люди в деталях похожи друг на друга. Но с чего вы взяли, что убитый не Эрих Бэль, офицер? Как такое возможно?

– Может быть, вы мне скажете, директор, как такое возможно?

– Представления не имею, офицер, – твердым и непоколебимым голосом сказал директор. Он больше не велся на стандартные уловки и делал вид, что не понимает абсолютно ничего. – Если вы меня позвали в игры играть или строить некие фантастические догадки, то, пожалуй, я вернусь к работе.

– Родимое пятно на лопатке. У Эриха Бэля его не было, – вдруг сказал офицер Рено, выбросив пустой стаканчик в черную пластмассовую корзину, стоявшую под столом.

– Что вы сказали? Родимое пятно?

– Именно. При изучении записи обследования лечащего врача Эриха Бэля выяснилось, что у молодого человека на теле не было родимых пятен. Самое интересное то, что в отчете патологоанатома сказано предельно ясно: на лопатке убитого обнаружено родимое пятно. И возникает вопрос – как такое может быть?

На сей раз директор более талантливо сыграл удивление, даже сам диву дался, как хорошо получилось.

- Вот это новости. Хм... Что я могу сказать - мистика, одним словом. Не понимаю ничего, офицер.

- Вы же не верите в мистику, директор. Насколько я помню, вы предпочитаете лишь голые факты.

- Конечно. Просто вырвалось... Очень неожиданное заявление, офицер. Итак, вы допросили лечащего врача Эриха Бэля?

- Да.

- Что вам удалось выяснить?

- Ничего нового, кроме того, что уже было в его записях. Доктор подтвердил, что родимых пятен на теле Эриха Бэля никогда не было. Я спросил у него, как родимое пятно могло появиться...

- Каков был его ответ, офицер?

- Он сказал, что есть только одно объяснение, и я с ним абсолютно согласен. Это не Эрих Бэль. Родимые пятна не могут возникать на теле мистическим образом; данное родимое пятно неизвестный человек носил на протяжении всей своей жизни.

- Верное заключение, офицер.

- Да. Я тоже в нем не сомневаюсь... Знаете, директор, что-то есть в этом деле странное. Даже немного пугающее. Вы не находите?

- Не находил. Хотя то, что вы сейчас мне сказали, повергло меня в сомнения.

- Вы какой-то нечеловечный, что ли... - снова пристально взглянув на плотно сбитую фигуру своего собеседника, сделал заключение офицер.

– Что вы имеете в виду?

– Забудьте. Хотел узнать ваше мнение по поводу родимого пятна. У вас есть какие-то соображения на этот счет или нет?

– Есть. Я абсолютно солидарен со своим коллегой, убитый не может быть Эрихом Бэлем в связи с новыми обстоятельствами. У меня есть стопроцентное предположение, что убитый – это брат-близнец пациента Эриха Бэля. Я не стану дарить даже одного процента возможному необъяснимому творению природы. Брат-близнец, точно. Вам стоит установить личность убитого, это несомненно осветит весь дальнейший путь.

– Вы правы сейчас, директор. Но то же самое я сказал вам, когда говорил, что думаю на этот счет. Рад, что вы разделяете мое же мнение. По поводу идентификации трупа – пока никаких результатов нет. Человек словно появился из воздуха. Он не городской, мы дали запрос по всей прилегающей округе, а результатов ноль. Видимо, человек приехал издалека. Этому может быть только такое объяснение.

– Понятно, – произнес директор и собрался прощаться с офицером. – Что-то еще?

– Нет, больше ничего. Не смею вас больше задерживать. Можете возвращаться к работе.

– А по поводу мисс Лоры есть какие-нибудь новости?

– Новостей нет. Она числится без вести пропавшей. И есть у меня чувство, что мы ее не найдем...

Любил офицер Рено разговаривать с собеседником загадками.

– Почему у вас такое чувство, офицер?

– Она не убийца, кажется мне, а жертва. Будем уповать, что она еще пока жива.

– Что вас заставило снять подозрения с нее, разрешите поинтересоваться?

– Понимаете, директор, она бы не стала играть на пианино с одной сломанной клавишей. Девушка очень себя любила, знаете, не такой эгоистичной и разрушительной любовью, от которой страдают все вокруг нее, а другой. Безвредной для окружающих, но при этом самой настоящей, надежной, как канаты. Не могла она играть на пианино без одной клавиши – это было для нее, как не помыться или как надеть грязное белье на чистое тело. И что самое странное, директор, да, зачастую самые чистоплотные люди совершают самые грязные убийства, но я чувствую, что она не убивала. Это лично мое мнение, моя кожа подсказывает так.

«Ваша кожа вам не врет, офицер, – мысленно сказал директор. – У вас отличный нюх, но слабое зрение. Слепая овчарка – хорошая овчарка. Однако минус в том, что как бы хорошо она ни чувствовала след – совсем непонятно, куда он ведет».

Директор ничего не сказал офицеру вслух, не сделал ему комплимент, но молча отдал дань уважения.

– До встречи, офицер.

– Еще увидимся, директор.

Человек в плаще перед своим уходом насчитал в комнате всего лишь семь человек вместе с офицером Рено, четыре офицера покинули помещение за время их разговора.

* * *

Люк и Миа родились зимой, двадцать восьмого февраля. Первым увидел свет Люк, а спустя тринадцать минут – Миа.

Муж Ребекки сбежал бесследно из дома, пока женщина лежала после родов в больнице со своими квакающими сыновьями.

Отец двух близнецов сбежал из дома Ребекки в своих кожаных армейских ботинках, в поношенной коричневой куртке, выдержавшей и летние дни, и февральские морозы, в своем сером зимнем свитере и меховых перчатках.

Кожаные отцовские перчатки, которые мужчина забыл в тот день, по очереди надевали Люк и Миа, когда подросли. Кстати, еще их отец украл у матери небольшие сбережения, бывшие некой «подушкой безопасности» после родов. Всякое может случиться, медикаменты всегда в цене.

Придя в себя и вновь обретя возможность воспринимать окружающий мир, Ребекка узнала, что ее муж уехал из города утренним рейсом двадцать восьмого февраля. В то утро, когда она родила.

Женщина сама никогда не заводила речь об отце в присутствии сыновей. Первый раз Люк спросил, где его папа, когда ему было всего два года, мальчик увидел на рынке, что другие дети ходят за руку не только с женщиной, но и с мужчиной, который выше этой женщины.

Люк поинтересовался: «Где мой большой папа?»

Женщина сказала, что отец был алкоголиком и, выпивши, утопился в речке, вот почему она держит своих детей за руку одна. Миа никогда не интересовался, где его отец, мать заменяла мальчишке всех. Но не Люку.

В четыре года состоялся уже более серьезный разговор, ребенок краем уха услышал, как соседка говорила матери, что видела их отца в этом городе совсем недавно. И Люк немедленно начал требовать объяснений от матери.

Ребекка сказала как есть. Вся голую и отвратительную правду, но все же эта правда была намного приятнее того, что отец Люка алкоголик и утопился спьяну в речке.

«Почему он ушел?» – спросил маленький человек, который стремился с ранних лет все на свете знать и понимать.

«Потому что предатель», – ответила мать, и они больше не возвращались к этому вопросу.

Миа с Люком в раннем детстве были очень ранимыми детьми, особенно Люк. Он оказался намного болезненнее Миа и все время жаловался матери по любому поводу.

Люка часто колотили соседские дети, так как никто его не понимал, ведь он был чрезмерно обидчивым и ранимым.

Ребекка говорила, что они с братом родились под знаком Рыб, а значит, их судьба уже давно предreshена. Также женщина не стеснялась упоминать и то, что Рыбы натуры слабые, обидчивые и мечтательные. Таких людей нужно всю жизнь нянчить и подтирать за ними зад, сами они этого сделать не могут – по словам женщины.

Люк поначалу смирился с тем, что он по гороскопу Рыбы и всю свою жизнь будет на всех обижаться и презирать этот жестокий мир. Чуть позже, когда Люк записался в шахматный кружок и узнал, что его учитель по шахматам – высокий сильный мужчина, твердый, словно выкованный из железа, и, что самое главное, обязательный – Скорпион по знаку зодиака (а своего учителя Люк уважал, как никого в жизни), то мальчик незамедлительно решил заново «переродиться».

После одного из шахматных занятий Люк вернулся домой и заявил матери, что он родился тридцатого октября, а не двадцать восьмого февраля, и отныне его знак зодиака Скорпион. Женщина долго смеялась над своим маленьким сыном-фантазером, который был не более чем обыкновенным клочком бумаги, который снесло бы при первом порыве ветра.

Над братом смеялся поначалу и Миа, но когда шестилетний Люк, «переродившийся» в этом мире заново под знаком Скорпиона, однажды пришел домой и заявил матери, что разбил голову своему однокласснику куском кирпича за то, что тот обозвал его дохляком, Ребекка взглянула на своего сына другими глазами.

Люк, как и сказал, праздновал свой день рождения каждый год тридцатого октября, а Миа двадцать восьмого февраля.

Ребекка начала опасаться перемен в своем сыне. Ведь Люк изменился до неузнаваемости, он больше ни на кого не обижался, а сразу ломал нос – ее болезненный и болтливый сын вдруг стал тихим и жилистым.

Никто не знал, что на уме у Люка. Но все знали, что лучше с ним не шутить. После того, как он начал делать серьезные успехи во всем, за что бы ни взялся – карате, шахматы, пинг-понг, Ребекка больше никогда не заводила разговор о

Рыбах, но и о Скорпионах предпочитала помалкивать.

Однажды женщина пришла к учителю по шахматам, которым всегда восхищался Люк, и спросила без лишних прелюдий:

- Что вы сделали с моим сыном?

Мистер Рорк, ростом в два метра и два сантиметра, посмотрел на женщину сверху вниз и улыбнулся ей.

Мужчина был видным и даже, как говорили между собой женщины этого города, - завидным; многие дамы заглядывали мистеру Рорку в рот. Но не Ребекка. Для нее он был всего лишь двухметровой шпалой, которая испортила дурным примером ее послушного сына.

- Я ничего не сделал с вашим сыном. Просто Люк, миссис, однажды осознал, что он не рыба, не мясо, а мужчина. Вот и все! - спокойно и просто объяснил ей человек, который выглядел - в этом городке не самых высоких мужчин - великаном.

- Скорпион...

- Именно так, - с достоинством ответил мистер Рорк с улыбкой на лице.

- Тридцатое октября...

- Совершенно верно.

Ребекка плюнула в лицо своему собеседнику, но часть слюны до него не долетела.

Улыбка сошла с лица мужчины, он вытер рукой капли слюны с подбородка и уголка рта и взглянул на женщину с неким пониманием, пристально всматриваясь в ее глаза.

Он не сердился на нее за это, нет, он, скорее, сочувствовал ей.

- За что?

- За сына-Скорпиона.

- Вы и сами прекрасно знаете, как баркас назовешь, так он и поплывет. Зачем называть его плохо?

- Деревянная лодка и железный баркас – два разных судна, мистер Рорк. Это вы обязаны знать.

- Посмотрите на своего сына, миссис. В этом море деревянной лодкой я могу назвать только вас – не знаю, кто вы и как вас назвали. Сужу исключительно по вашим поступкам.

- Мои поступки – это моя ноша. Не ваша! – процедила сквозь зубы женщина.

- Конечно, – улыбнулся мистер Рорк. – Мое дело лишь показывать вам ношу, а нести ее – дело ваше.

- Да пошел ты.

- Плывите своей дорогой, миссис. И если хотите воочию увидеть железное судно, то обратите внимание на Люка. Более целеустремленного и отважного мужчины в своей жизни, кроме себя, разумеется, я не видел. Жаль, что он не мой сын, а ваш, – закончил свою речь мистер Рорк и ушел прочь.

- И мне жаль. – сказала ему в спину женщина.

Мистер Рорк, хоть и был мужчиной видным, но детей у него до сих пор не имелось, как и женщины. Только шахматы и маленькие мужчины, которых он воспитывал, как воспитали когда-то родители его самого.

- Я запрещаю тебе ходить на занятия по шахматам, – сказала своим непоколебимым голосом Ребекка, когда Люк вернулся со школы.

- Почему?

- Потому что шахматы – не твое. Закрыли тему.

- А что мое, мама?

- Слушать и делать, что я тебе говорю.

- Это не доставляет мне удовольствия.

- Что? – женщину аж затрясло от такого заявления.

- Мне не нравится слушать и выполнять то, что ты говоришь. Твоя жизнь скучна и неинтересна, я бы не хотел жить, как ты.

После этих слов женщина со всего размаха ударила Люка по лицу и рассекла ему верхнюю губу. Люку было больно, но он не заплакал. Он убедил себя, что не умеет плакать, особенно, когда больно внутри, а не снаружи.

В душе войны не меньше, войны, которую не видит никто.

Люк с сухими глазами ушел в комнату к брату, а Ребекка осталась на кухне и не смогла, в отличие от своего сына, удержать слез.

Люк поистине был самым сильным в этой семье. Мальчишкой, который мог удержать Атланта на своих плечах.

* * *

Покинув здание полиции, директор направился неспешным прогулочным шагом в сторону улицы Франческо Петрарки.

Эта улица находилась совсем недалеко от полиции, а потому оставленному там старику, наверное, было вдвойне гадко на душе от осознания того, что родной дом вот он, на расстоянии вытянутой руки от клетки, в которой его заперли.

Улица известного итальянского поэта находилась в тихом, спокойном районе города М. Не самые худшие края в этом городе, но и не самые лучшие.

Весь свой безмолвный путь директор проделал с мыслями: а не выглядел ли он подозрительным, не выболтал ли чего лишнего? И самое главное – понял ли офицер Рено, что директору что-то известно?

Мужчина в длинном плаще и черных кожаных ботинках на толстой подошве задавался вопросом: «Может быть, стоило расспросить более детально о выяснившихся фактах? Например, почему я не спросил, сравнили ли они группу крови Эриха Бэля с группой крови человека, который себя выдавал себя за него, то есть трупа».

Конечно же, полицейские не тупицы и задались этим вопросом в первую очередь. Но почему не поинтересовался он, директор? Не выглядело ли это странным?

Директора терзали догадки, они клевали его, как стервятники свою падшую добычу. А когда мужчина вышел на улицу Франческо Петрарки, то заметил странное пятиэтажное здание справа от него. Эта новостройка привлекла его в первую очередь тем, что еще буквально три месяца назад, когда он проходил по этой улице, – здания не было. Ни стройки, ни фундамента, лишь небольшая зеленая аллея с двумя каруселями и тремя деревянными лавками.

Директор удивился факту, что новостройки в этом городе растут, как грибы в лесу. Еще недавно – пешая аллея, а сейчас – пятиэтажное серое здание, больше похожее на офисное, чем на жилое. Именно за этим самым зданием находился четырехэтажный австрийский дом старой постройки, в котором до недавнего времени жил его бывший коллега – доктор Стенли.

Директор зашел в просторный чистый подъезд с высокими потолками; этот дом был очень похож на его, вот только запах другой. Не пахло плесенью и подвальной сыростью в холле первого этажа, не было оплеванных подоконников, и стены дома не впитали в себя вонь от мочи самых случайных прохожих.

Дом был в разы приятнее и чище.

Мужчина сразу же направился к почтовым ящикам. Их оказалось всего шестнадцать штук. Директор достал из кармана небольшой, но тяжелый камень,

который поднял возле дома, оглянулся, убеждаясь, что никого на этаже нет и никто не спускается по лестнице вниз, а затем одним ударом выбил дверцу ящика квартиры старика.

Мужчина прекрасно знал, что ящики в этих домах такие же старые, как сами дома, и большинство жильцов, особенно тех, что в возрасте, никогда не станут менять эти ящики на современные. На более новые.

А зачем? В этом городе люди не привыкли красть прессу и чужие письма. Но красть то, что ненадежно лежит в кармане пальто или брюк, или хотя бы улыбку на лице – это они всегда рады.

Нет, назвать город М преступным было бы ложью, но люди везде люди. И оттого, что город маленький, кражи в нем более громкие, чем, скажем, в мегаполисе или столице.

Двенадцатая квартира дома под номером тридцать шесть располагалась на последнем четвертом этаже здания. Директор открыл белую высокую дверь старым вытянутым ключом – судя по ключу, замок доктор Стенли не менял еще со времен покупки этого жилья.

Просторная трехкомнатная квартира. Директор закрыл за собой дверь на ключ, разулся на пороге и поставил свои ботинки к остальной обуви.

Полы в квартире были холодными, да и, собственно, от стен дуло холодом. Обжитое помещение с высокими четырехметровыми потолками для директора показалось неудобным и совсем непригодным для жизни. Но это дело вкуса.

Судя по фотографии на стене и женской обуви на полу в прихожей, в этой квартире, помимо самого Стенли, жила и его дочь. Вся квартира была насквозь пропитана запахом старости, таким ароматом, который часто исходит из шкафов пожилых людей. Запах старого армейского кителя или других вещей, которые давно отслужили свое, умерли и подобно трупу начали издавать неприятный смрад. Непонятно, зачем хранить в своем доме старые вещи, нет – годы, которые невозможно вернуть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/vyacheslav-prah/on-umel-kasat-sya-zhenschin>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)